

DOI 10.35775/PSI.2025.113.1.035

УДК 32.327

Е.Р. ОЩЕПКОВ

стажер-исследователь, востоковед-международник
факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ,
Россия, г. Москва
E-mail: oshepkov-er@rambler.ru
ORCID 0009-0002-4258-5281

ИРАН В СТРАТЕГИИ ЯПОНИИ: ПОТЕНЦИАЛЬНАЯ УГРОЗА ИЛИ ВЫГОДНЫЙ ПАРТНЕР?⁴

Стратегические отношения между Японией и Ираном существуют больше века и успели претерпеть за это время значительную трансформацию. Вплоть до Исламской революции 1978-1979 годов Иран рассматривался руководством Японии преимущественно как выгодный поставщик полезных ископаемых: нефти и природного газа. После крушения режима шаха Мохаммеда Пехлеви диалог между Японией и Ираном стал предельно амбивалентным. С одной стороны, Япония сохранила хозяйственную потребность в импорте сгораемых углеводородов из Каспийского региона; с другой стороны, Япония – главный геополитический союзник Соединенных Штатов – оказалась вынуждена дистанцироваться от теократического государства шиитских фундаменталистов. Дихотомия экономических и идейных соображений сохранилась вплоть до середины 2020-х годов. На страницах Стратегии Национальной Безопасности японское руководство позиционирует Иран как угрозу. Примечательно, что при этом уровень озабоченности «иранской проблемой» (в том числе в области развития ядерного оружия) со временем только снижается: в СНБ 2022 года Ирану уделено гораздо меньше внимания, чем в СНБ 2013 года. Следует отметить 2 важные закономерности, характеризующие японо-иранские отношения во второй половине XX века и в начале XXI столетия. Во-первых, фактор личности лидеров (причем с обеих сторон). Находящиеся во главе Японии и Ирана политики – Такэо Фукуда, Рухолла Хомейни, Ясухиро Накасонэ, Мохаммед Хатами, Есиро Мори, Махмуд Ахмадинежад, Дзюньитиро Коидзуми и особенно Синдзо Абэ – определили характер стратегического диалога под воздействием своих убеждений и опыта. Во-вторых, зависимость Японии от США в вопросах безопасности. Чем сильнее Соединенные Штаты отвлечены на прочие проблемы (например, президентские выборы или пандемия COVID-19), тем активнее правительство Японии озадачено «иранским вопросом» и наоборот (что подтверждается статистическим анализом). По всей видимости, в будущем этот тренд продолжится.

Ключевые слова: Япония, Иран, стратегия, безопасность, СНБ, угроза, партнерство.

⁴ Публикация подготовлена в ходе реализации проекта № 25-00-05 («АСЕАН+, БРИКС+, НАТО+: перспективы азиатской интеграции в новом мировом порядке») в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)».

Стратегические отношения Японии и Ирана: предыстория.

Стратегическое значение Каспийского региона – в особенности его природных богатств – для Японии исключительно велико: по некоторым оценкам здесь расположено порядка 20% мировых запасов нефти и 50% мировых запасов газа [4. С. 2]. Однако в начале XX века большинство месторождений еще не были разведаны. Дипломатические отношения Японии и Ирана были установлены в 1929 году [2. С. 9]. В годы Второй Мировой войны японо-иранские связи колебались между взаимной симпатией, относительным безразличием и откровенной враждой (в 1939 году страны подписали договор о дружбе, а в 1942 году разорвали дипломатические связи) [13]. Все изменилось в 1958 году, когда шах Мохаммед Пехлеви прибыл в Японию с официальным визитом [9].

С начала 1960-х годов лейтмотивом японо-иранских отношений стало возведение совместного нефтехимического завода (стройка предприятия стоимостью 600 миллионов долларов [13] заняла почти 20 лет – к началу Исламской революции объект будет готов на 85%). Со стороны Ирана в проекте участвовала Национальная Иранская Нефтяная Компания (NIOC), а со стороны Японии – Mitsui. Две монархии объединяли общие интересы и – что гораздо важнее – общий союзник в лице США. Япония была «привязана» к Соединенным Штатам в рамках разработанной в Сан-Франциско системы «втулки и спиц», а Иран – через Организацию Центрального Договора, также известную как «пакт СЕНТО». Поддержание военно-политической, научно-технической и топливно-энергетической безопасности на Ближнем и Дальнем Востоке было их общей целью. Так продолжалось до конца шахского режима.

Исламскую революцию 1978-1979 годов в Японии встретили с большой осторожностью. Министр-мировотворец Такэо Фукуда – идейный вдохновитель нормализации отношений между Японией и Юго-Восточной Азией в 1977 году – поспешил посетить Иран в конце 1978 года, чтобы призвать стороны к конструктивному диалогу. Японский лидер осторожно намекнул, что независимо от исхода волнений Токио сохранит интерес в сотрудничестве с Тегераном [24]. Переговоры оказались плодотворными – оказавшись у власти, Рухолла Хомейни настрого запретил прерывать поставки энергоносителей для японских партнеров (с 5 марта 1979 года танкеры отправлялись в японские порты без задержек; доля Ирана в топливно-энергетическом балансе Японии осталась на уровне 10%) [17]. Структура экспорта не изменилась: все, что Иран поставлял в Японию, ограничивалось сгораемыми углеводородами (95%).

По мере эскалации американо-иранского противостояния в начале 1980-х годов, Япония оказалась в затруднительном положении. С одной стороны, премьер-министр Ясухиро Накасонэ называл свою страну «непотопляемым авианосцем США» [14]. С другой стороны, усугубление стратегического диалога с Ираном в угоду американской повестке противоречило национальным интересам Японии. В годы Ирано-Иракской войны 1980-1988 годов японский лидер активно выступал за скорейшее проведение переговоров (яркий пример – выступление Ясухиро Накасонэ в 1984 году). Впрочем, за миротворческой

риторикой скрывался практический интерес – совместный нефтехимический завод находился всего в 100 километрах от линии фронта [2. С. 11]. После окончания конфликта японское руководство продолжило инвестировать в иранскую промышленность: например, в 1993 году Токио предоставил Тегерану кредит на строительство новой ГЭС Месджеде-Солейман в провинции Хузестан (стоимость объекта мощностью 2 тысячи МВт составила почти 40 миллионов йен) [8. Р. 1]. Торговля энергоносителями тоже шла в гору: в начале 1990-х годов Иран поставлял в Японию энергоресурсов на сумму 2.4 миллиардов долларов, а в середине 1990-х годов – уже на сумму 2.6 миллиардов долларов [13].

На фоне торгового ренессанса политические отношения Японии и Ирана по-прежнему оставались напряженными. Тем примечательнее стал визит президента Мохаммеда Хатами в Токио в конце 2000 года [12]. Инициатором встречи стал премьер-министр Есиро Мори, который считал, что интересы Японии должны распространяться на все страны и континенты, а не только ограничиваться неравноправным союзом с США. Два прагматичных политика сразу нашли общий язык – покидая японскую столицу, иранский руководитель твердо решил углубить интеграцию. Практические последствия не заставили себя долго ждать – уже в 2003 году иранский экспорт в Японию достиг нового максимума (15-16% всего топливно-энергетического баланса страны) [13]. Но времена менялись, а вместе с ними менялись и национальные лидеры. К середине 2000-х годов японское правительство возглавил проамериканский Дзюнъитиро Коидзуми, а иранское – ярый консерватор Махмуд Ахмадинежад.

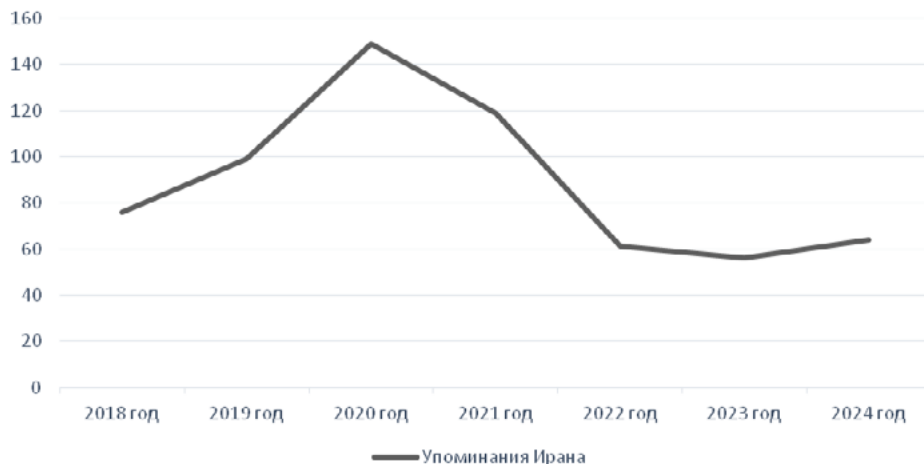
В 2006 году – на 61-й сессии ГА ООН – Япония обвинила Иран в разработке ядерной программы в обход международных норм ДНЯО и МАГАТЭ [5. С. 37]. Американское руководство (независимо от принадлежности к Республиканской или Демократической партии) активно давило на японских лидеров. Следуя в фарватере повестки Соединенных Штатов, Япония впервые ввела против Ирана по-настоящему жесткие санкции – к 2012 году импорт энергоносителей упал почти в половину [7]. Пропаганда антииранских идей внутри Японии тоже оказалась успешной – в том же году лишь 16% японцев относились к Ирану положительно, в то время как доля противников Ирана превысила 55% (остальные затруднились ответить) [1. С. 92]. Именно в этот момент на равансцену вышел Синдзо Абэ: самый яркий японский политик последних лет. Первые 3 года премьер-министр занимал выжидательную позицию и умело лавировал между разными группами интересов внутри и снаружи страны. Его «звездный час» пробил в 2015 году – тогда Синдзо Абэ публично провозгласил доктрину «золотой середины». Ее суть заключалась в том, что цель Токио в ближневосточном конфликте – стать мостом между Тегераном и Вашингтоном (тогда же японский лидер выступил в качестве миротворца в конфликте между Израилем и Палестиной) [18]. Всего через несколько месяцев – в 2016 году – лидеру удалось добиться заключения Японо-Иранского договора о взаимных инвестициях [11]. Иронично, что от имени японского МИД данное соглашение подписал Фумио Кисида: человек, который после прихода к власти станет главным сторонником

антииранских санкций. Предполагалось, что все средства пойдут на форсированное развитие промышленности и человеческого капитала. Поначалу ситуация складывалась именно так.

Фундаментальная ошибка Синдзо Абэ при построении стратегического диалога с Ираном заключалась в завышенных ожиданиях и больших надеждах на президента США Дональда Трампа. Республиканец японского коллегу ценил и уважал, но в процессе выработки своей «ближневосточной стратегии» руководствовался исключительно принципом «Америка превыше всего». Во многом поэтому было принято решение о выходе из «ядерной сделки» (СВПД), оформившейся в 2015 году и де-факто прекратившей иметь смысл в 2018 году. Для Синдзо Абэ это стало шоком, однако японский премьер-министр быстро нашел выход: основным посредником в регионе стала Россия [6. С. 1]. Некоторое время переговоры шли заочно, но в 2019 году японский лидер прибыл в Тегеран лично [15]. Синдзо Абэ осмотрел иранские святыни, пожал руки членам Совета Стражей и принимал цветы из рук благодарных жителей. Расценить это можно было лишь в одном ключе: в спорах Ирана и США Япония – третья сторона и самостоятельная сила с собственными амбициями и интересами. Больших усилий стоило сохранение мира и стабильности в регионе после убийства генерала Касема Сулеймани. Однако пиком японо-иранского диалога стал 2020 год, омраченный пандемией COVID-19. Совместно с ВОЗ, Синдзо Абэ выделил Ирану 34 миллиона долларов для развития клиник и больниц, а также распорядился отправить порядка 3 миллионов доз вакцины AstraZeneca, изготовленных японскими фармацевтами [19]. С начала 2020-х годов Япония вынуждена прикладывать все больше усилий, чтобы не допустить сближения между Ираном и КНР (последние подписали договор о сотрудничестве в 2021 году) [16]. Вероятно, именно по этой причине посол Японии в Иране Кадзуташи Аикава и глава научно-технического парка Тегеранского университета Али Асади договорились об обмене кадрами и технологиями [3]. И хотя иранские хакеры регулярно совершают атаки на критическую инфраструктуру Японии, противостояние двух сторон носит скорее номинальный характер. Это необходимо учитывать при анализе стратегических документов японского руководства. Основная идея японо-иранских отношений за последние 100 лет заключается в следующем: когда речь идет о практической выгоде, зависимость от США резко ослабевает и Япония принимает самостоятельные решения несмотря на волю Белого Дома.

Defense of Japan (White Paper). 2024 – 64 упоминаний за 572 стр., 2023 – 56 упоминаний за 561 страницы, 2022 – 61 упоминаний за 543 стр., 2021 – 119 упоминаний за 512 стр., 2020 – 149 упоминаний за 576 стр., 2019 – 99 упоминаний за 573 стр., 2018 – 76 упоминаний за 550 стр.

Рисунок 1. Упоминания Ирана на страницах *Defense of Japan* по годам

С 2018 по 2020 годы частота упоминания Ирана в оборонной стратегии Японии стремительно возрастает почти вдвое (с 76 до 149 раз). Пик приходится на 2020 год – время пандемии COVID-19, когда руководство США было занято исключительно проблемой вируса SARS-CoV-2 и процессом подготовки к президентским выборам, фактически расколовшим страну на 2 враждующих лагеря. Оставшись один на один с внешними угрозами без какой-либо поддержки «старшего партнера», Япония резко озаботилась вопросами безопасности в том числе и касательно «иранской проблемы». После победы Демократической партии вообще и Джоозефа Байдена в частности вовлечение Соединенных Штатов в проблематику безопасности азиатского континента стало лейтмотивом внешней политики США в противовес изоляционизму Дональда Трампа. Вплоть до 2022 года обеспокоенность японских политиков планомерно падала. Свой вклад здесь внесла и турбулентность внутри Ирана: страна сильно замкнулась на себе в период президентских выборов 2021 года (Ибрахим Раиси экстренно мобилизовал правящую Партию Воинствующего Духовенства для борьбы с диссидентами и внутренней оппозицией) и чередой крупных протестов 2022 года (связанных с убийством феминистки Махсы Амини). Соответственно, обеспокоенность «иранской проблемой» в данный период упала с 149 до 61 упоминания. После 2022 года интерес японского правительства к Ирану стабильно низкий – во многом это объясняется трендом русофобии, возобладавшим в странах «Коллективного Запада» вскоре после объявления Специальной Военной Операции на территории Украины. В современном внешнеполитическом дискурсе японских элит на фоне дебатов о России, а также поддерживающих ее КНР и КНДР (непосредственных соседей Японии) для «иранского вопроса» физически нет места. Если речь об Иране все-таки заходит, то правительство Фумио Кисида и Сигэру Исиба просто копирует тезисы американских политиков (в первую очередь, демократов).

National Security Strategy of Japan

2013 (администрация Синдзо Абэ) – 3 упоминаний за 37 стр.

2022 (администрация Фумио Кисида) – 1 упоминаний за 36 стр.

АНАЛИЗ РИТОРИКИ

NSS 2013

Стратегия Национальной Безопасности 2013 года выражает твердое стремление Японии гарантировать нераспространение ядерного оружия. Кабинет Синдзо Абэ с самого начала был озабочен вопросом «сдерживания» Ирана за счет международных механизмов принуждения, о чем прямо говорится в тексте СНБ: The issue of nuclear and missile development by North Korea and the nuclear issue of Iran continue to pose **grave threats to peace and stability** – Проблема ядерных и ракетных разработок КНДР и ядерная проблема Ирана по-прежнему представляют собой **смертельную угрозу миру и стабильности** (стр. 7). Несмотря на географическую удаленность от Ирана (расстояние от Тегерана до Токио превышает 7.5 тысяч километров), Синдзо Абэ активно интересовался международной обстановкой на Ближнем Востоке. По мнению премьер-министра, призвание Японии как одной из ведущих держав планеты – способствование глобальным процессам миротворчества и ядерного разоружения независимо от расстояний или политических воззрений вовлеченных в конфликт сторон: **Japan will play a proactive role in the resolution of major issues affecting the stability of the Middle East, including Iran's nuclear issue** – **Япония будет играть активную роль в решении основных вопросов**, влияющих на стабильность Ближнего Востока, включая ядерную проблему Ирана (стр. 27). Активная позиция Синдзо Абэ по проблеме Ирана стала ярким индикатором возвращения Японии в большую политику в начале 2010-х годов (времени восстановления после «потерянных» 1990-х годов и «нерешительных» 2000-х годов): **Japan will lead international efforts on disarmament and non-proliferation, including Iran's nuclear issues** – **Япония возглавит международные усилия по разоружению** и нераспространению, включая ядерные проблемы Ирана (стр. 30). Спустя 9 лет с момента публикации СНБ 2013 года многие из этих тезисов будут забыты преемниками Синдзо Абэ: интересы Японии сузятся преимущественно до зоны АТР/ИТР.

NSS 2022

В Стратегии Национальной Безопасности 2022 года также указано желание Японии участвовать в переговорах по ядерному разоружению и разработке гарантий решения «иранского вопроса», однако реальный смысл данного утверждения скорее сугубо ритуальный: Taking into account non-proliferation issues such as North Korea and Iran, **Japan will maintain the international nuclear disarmament** – Принимая во внимание проблемы нераспространения, такие как Северная Корея и Иран, **Япония будет поддерживать международное ядерное разоружение** (стр. 16). В период правления Фумио Кисиды в абсолютном большинстве случаев японские политики стали полагаться на военно-политическое заступничество США, в связи с чем вовлечение Японии в международную повестку резко снизилось. По состоянию на начало 2020-х годов, Япония

на Ближнем Востоке – не активная сторона переговорного процесса, а скорее пассивный наблюдатель.

Заключение. Стратегический диалог между Японией и Ираном всегда был вопросом сложным, многогранным и политически нестабильным. С точки зрения энергетического партнерства, Япония всегда испытывала потребность в иранских ресурсах. С геополитической точки зрения Япония вынужденно стремилась сохранять дистанцию от Ирана после того, как режим аятолл вступил в конфликт с США в результате Исламской революции 1978–1979 годов. Характер и тренды трансформации стратегического диалога во многом определены личным вкладом национальных лидеров с обеих сторон, а также зависимостью Токио от Вашингтона: всякий раз, когда Соединенные Штаты переключаются с «иранской проблемы» (включая вопрос разработки ядерного оружия) на внутренние вопросы (например, выборы президента или пандемия SARS-CoV-2), японское правительство резко становится обеспокоенным международной обстановкой на Ближнем Востоке и наоборот.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Актуальные проблемы современной Японии. М.: ИДВ РАН, 2013. Выпуск XXVII // https://lk.iccaras.ru/assets/components/dsgfileupload/files/apsj_27.pdf.
2. Бушуева А.С. Японо-иранские отношения в послевоенный период: «ближневосточная дилемма» для Японии // Японские исследования. 2022. № 4 // <https://www.japanjournal.ru/jour/article/view/307/236>.
3. Иран и Япония наращивают научно-техническое сотрудничество // Красная Весна. 2023. № 8 // <https://rossaprimavera.ru/news/525b3102>.
4. Канаяма Р. Перспективы энергетического сотрудничества стран Каспийского региона с государствами АТР (на примере Японии) в контексте снятия санкций с Ирана // Энергетика Евразии: новые тенденции и перспективы. 2015. № 12 // https://www.imemo.ru/files/File/ru/conf/2015/04122015/2-01_Kanayama.pdf.
5. Организация Объединенных Наций (ООН). Выступление Японии на 61-й сессии ГА ООН // A/61/PV.21. 2006 // <https://www.un.org/ru/ga/61/plenary/japan.pdf>.
6. Щербак А. Глава МИД Японии: Япония готова разъяснять свою позицию России по вопросам безопасности // Интерфакс. 2018. № 7 // <https://www.mofa.go.jp/files/000386155.pdf>.
7. Harlan C. Japan agrees to reduce oil imports from Iran // The Washington Post. 2012 (1) // https://www.washingtonpost.com/world/japan-agrees-to-reduce-oil-imports-from-iran/2012/01/12/gIQA1hhItP_story.html.
8. Japan International Cooperation Agency. Assisting Hydroelectric Power Project in Iran. 2000 // https://www2.jica.go.jp/yen_loan/pdf/en/4931/20001026.pdf.

9. **Kadivar D.** Modernity & Tradition: Shah of Iran meets Japan's Hirohito in 1958 // Iranian Archives. 2011 (5) // <https://iranian.com/main/blog/darius-kadivar/modernity-tradition-shah-iran-meets-japans-hirohito-1958.html>.
10. Ministry of Foreign Affairs of Japan. Japan-Iran Relations: Basic Data. 2024 // https://www.mofa.go.jp/region/middle_e/iran/data.html.
11. Ministry of Foreign Affairs of Japan. Signing of the Japan-Iran Investment Agreement. 2016 // https://www.mofa.go.jp/press/release/press4e_001016.html.
12. Ministry of Foreign Affairs of Japan. Visit to Japan of President Mohammad Khatami of the Islamic Republic of Iran. 2000 // https://www.mofa.go.jp/region/middle_e/iran/pv0010/summary.html.
13. **Nada G., Yacoubian A.** Iran and Japan Struggle Over Ties and Trade // The Iran Premier. 2019 (12) // <https://iranprimer.usip.org/blog/2019/dec/17/iran-and-japan-struggle-over-ties-and-trade>.
14. **Parameswaran P.** Remembering Nakasone and US Asia Policy in the 1980s // The Diplomat. 2019 (12) // <https://thediplomat.com/2019/12/remembering-nakasone-and-us-asia-policy-in-the-1980s/>.
15. Prime Minister's Office of Japan. Visit to Iran: First Day. 2019 // https://japan.kantei.go.jp/98_abe/actions/201906/_00034.html.
16. Reuters. Iran and China sign 25-year cooperation agreement. 2021 // <https://www.reuters.com/world/china/iran-china-sign-25-year-cooperation-agreement-2021-03-27/>.
17. **Saito M.** Japan and the US converging on Iran // The Jerusalem Strategic Tribune. 2024 (8) // <https://jstribune.com/saito-japan-and-the-us-converging-on-iran/>.
18. **Schulze K.** Abe's Middle Eastern ambition // The East Asia Forum. 2015 (2) // <https://eastasiaforum.org/2015/02/11/abes-middle-eastern-ambition/>.
19. World Health Organization (WHO). Government of Japan supports Islamic Republic of Iran with US\$ 6.3 million grant to strengthen national capacity against COVID-19 – Since the emergence of COVID-19 in early 2020, the Government of Japan has donated about US\$ 34 million to support Islamic Republic of Iran in combating the pandemic. 2021 // <https://www.emro.who.int/ar/iran/news/government-of-japan-supports-islamic-republic-of-iran-with-us-63-million-grant-to-strengthen-national-capacity-against-covid-19.html>.

E.R. OSCHEPKOV

Researcher in Asia Studies and International Relations,
Faculty of World Economics and World Politics, National Research
University Higher School of Economics, Moscow, Russia
ORCHID 0009-0002-4258-5281

IRAN IN JAPAN'S STRATEGY: POTENTIAL THREAT OR PROFITABLE PARTNER?

The strategic relationship between Japan and Iran has existed for more than a century and has undergone a significant transformation. Up until the Islamic Revolution of 1978-1979, Iran was viewed by Japan's leadership primarily as a profitable supplier of mineral resources such as oil and natural gas. After the collapse of Shah Mohammad Pahlavi's regime, the dialog between Japan and Iran became extremely ambivalent. On the one hand, Japan retained its economic need to import combustible hydrocarbons from the Caspian region; on the other hand, Japan – the main geopolitical ally of the United States – was forced to distance itself from the theocratic state of Shia fundamentalists. The dichotomy of economic and ideological considerations persisted until the mid-2020s. In the pages of the National Security Strategy, the Japanese leadership positions Iran as a threat. It is noteworthy that the level of concern about the «Iranian problem» (including nuclear weapons development) only decreases over time: the 2022 NSS pays much less attention to Iran than the 2013 NSS. There are two important regularities characterizing Japan-Iran relations in the second half of the XX century and in the beginning of the XXI century. First, the factor of personality of the leaders (on both sides). The politicians at the helm of Japan and Iran – Takeo Fukuda, Ruhollah Khomeini, Yasuhiro Nakasone, Mohammad Khatami, Yoshiro Mori, Mahmoud Ahmadinejad, Junichiro Koizumi, and especially Shinzo Abe – have shaped the nature of strategic dialog under the influence of their beliefs and experience. Second, Japan's dependence on the United States on security issues. The more the United States is distracted by other issues (e.g., presidential elections or the COVID-19 pandemic), the more the Japanese government is preoccupied with the «Iranian issue» and vice versa (as confirmed by statistical analysis). In all likelihood, this trend will continue.

Key words: Japan, Iran, Strategy, Security, NSC, Threat, Partnership.